

СОДЕРЖАНИЕ

Глава XXI. ГИРК — ГИИИ — ГАИС — ИПИН — НИИК — ИАЭ	6
Глава XXII. «Русская сказка»	27
Глава XXIII. Лидия Брун	45
Глава XXIV. Пушкинистика	62
Глава XXV. Языков	87
Глава XXVI. «Конек-Горбунок»	106
Глава XXVII. Советский фольклор 1931–1935	125
Глава XXVIII. 1937	163
Глава XXIX. Sibirica	186
Глава XXX. Советский фольклор 1936–1941	209
Глава XXXI. Блокада	255
Глава XXXII. Иркутск 1942–1943	281
Глава XXXIII. Иркутск 1944–1945	307
Глава XXXIV. Возвращение	329
Глава XXXV. «Поздний сталинизм»	356
Глава XXXVI. Ученый. Учитель. Ученики	383
Глава XXXVII. 1949	407
Глава XXXVIII. На пенсии	442
Глава XXXIX. «В мире честной мысли...»	481
Глава XL. Последний год	513
Post mortem	543
Условные сокращения	572
Указатель имен	575

Глава XXI.

ГИРК — ГИИИ — ГАИС — ИПИН — НИИК — ИАЗ

Летом 1930 г. Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) подвергается реорганизации: переименованный в Государственный институт речевой культуры (ГИРК), он теряет часть своих прежних сотрудников и заметно «советизируется»; директором остается Н. С. Державин¹. «Я, как видите, задержался в Ленинграде, — пишет М. К. 2 октября 1930 г. Ю. М. Соколову. — Надолго ли, не знаю. Пока связан только с ИЛЯЗВом»².

О том же он сообщает своей ученице А. А. Богдановой:

Главным образом работаю в Илязве, ныне ЛИРК (Ленинградский институт речевой культуры). Работа моя еще не определилась окончательно. Предлагают усиленно взять заведование и руководство всем сектором русской литературы. Но не решаюсь³.

Структура института состояла, как и в ИЛЯЗВе, из секций (или секторов). Одна из них, возглавляемая В. А. Десницким, называлась Секцией методологии литературоведения; внутри нее образуется Фольклорная группа, руководителем которой и назначается М. К., пользовавшийся, видимо, доверием дирекции. «В Питере из нов<ых> людей вступает в вожди науч<но>-исслед<овательского> фронта М. К. Азадовский, старый... иркутский марксист», — сообщает Оксман 12 октября 1930 г. И. Я. Айзенштоку⁴. И через несколько дней — Н. К. Пиксанову:

¹ В письме к Ю. Г. Оксману (июнь 1949 г.) М. К. заметил, что в ГИРКе фактически директорствовал Л. П. Якубинский (Переписка. С. 115). Лев Петрович Якубинский (1892–1945), языковед; окончил историко-филологический факультет в 1913 г. Примыкал к ОПОЯЗу. Ученый секретарь ГИРКа; в конце 1930 г. руководил проведенной в институте «чисткой».

² ОРФ ГЛМ. Фольклорный архив. Ф. 50. № 359 (2). Л. 2.

³ Азадовский М. К. Письма к А. А. Богдановой / Публ. и коммент. Л. В. Азадовской // Сибирь. 1978. № 6. С. 77 (письмо от 6 октября 1930 г.).

⁴ Сообщено В. С. Отяковским.

В Исследоват<ельском> Инст<итуте> (отд<еление> РАНИОНа) в результате всякого рода реорганизаций, во главе литер<атурно>-метод<ологического> сектора стали В. А. Стр<оев>-Десн<ицкий>⁵ и... М. К. Азадовский. Последний вообще идет сейчас очень в гору и занимает все новые и новые посты как признанный марксист и авторитет<ный> организатор науч<ной> работы. Вообще, хорошо быть новым человеком на старых местах, но за М. К. я все-таки искренне рад⁶.

Слухи о быстром и успешном вхождении Азадовского осенью 1930 г. в ленинградскую научную жизнь распространяются в Ленинграде и Москве. «Слышал, что у Вас много научной и научно-organiz<ационной> работы», — писал ему, например, Юрий Соколов 2 ноября 1930 г.» (70–46; 9 об.).

Оказавшись в штате ГИРКа, М. К., как и другие сотрудники, обязан был преподавать, работать с аспирантами, принимать у них экзамены. От чтения лекций он был, видимо, освобожден в связи с заболеванием горла. Приходилось, однако, выступать с докладами и принимать участие в обсуждении других работ. Есть сведения о нескольких его выступлениях. Так, 19 февраля 1931 г. он присутствовал на «пародийном докладе» О. М. Фрейденберг⁷ «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках»⁸. А 11 июня 1931 г. выступает в прениях на дискуссии о сущности и задачах фольклора, устроенной Фольклорной группой института при участии Фольклорной секции Института по изучению народов СССР (ИПИН), созданной в апреле 1931 г.⁹ В основу заседания были положены два доклада — В. М. Жирмунского¹⁰ и О. М. Фрейденберг. В прениях помимо М. К. участвовали Н. П. Андреев, В. А. Десницкий, С. Ф. Ольденбург,

⁵ Василий Алексеевич Десницкий (один из псевдонимов В. Строев; 1878–1958), революционер (социал-демократ); литературовед; профессор ЛГУ. Известен своей близостью к Горькому.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 496; не разобран (письмо от 17 октября 1930 г.).

⁷ Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955), филолог, антиковед, культуролог; с 1932 по 1950 г. профессор Ленинградского университета. Двоюродная сестра Бориса Пастернака. Автор «Записок» — яркого публицистического документа сталинской эпохи.

⁸ Полный текст доклада опубликован: Брагинская Н. В. *Siste, viator!* // Орфей: Человек в истории. 1995. С. 244–271.

⁹ В своем «Кратком жизнеописании» (1945) М. К. упоминает о том, что Фольклорная секция в ИПИНе была создана весной 1931 г. по его предложению (М. К. Азадовский в автобиографических документах / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. 2013. № 4. С. 101).

¹⁰ Основатель и глава советской германистической школы, В. М. Жирмунский уделял на протяжении всей своей научной деятельности особое внимание фольклору, выступая и как собиратель (немецких народных песен на юге Украины и в Крыму в 1926–1931 гг.), и как теоретик-исследователь. Занимался немецкой диалектологией. Участвовал во многих фольклористических конференциях, заседаниях, обсуждениях (в 1929 г. был командирован с докладом на международный Съезд фольклористов в Берлине). В годы войны, находясь в Ташкенте, приступил к изучению среднеазиатского героического эпоса («Алпамыш», «Манас»).

И.Г. Франк-Каменецкий¹¹. Жирмунский трактовал фольклор как совокупность реликтовых явлений, бытующих в идеологически отсталых группах населения; Фрейденберг же в своем «со-докладе» отстаивала понимание фольклора как идеологической продукции бесклассового общества. Оба докладчика коснулись и «рабочего фольклора». Жирмунский утверждал, что при капитализме, в условиях «культурного гнета господствующих классов», фольклор уничтожится сам собой. Фрейденберг же призывала «не пассивно ждать изжития фольклора, а приложить все методы борьбы к его коренному уничтожению»¹².

Разумеется, точка зрения обоих докладчиков была неприемлема для М.К., воспринимавшего фольклор как «живую старину», как культуру не только прошлого, но и настоящего. Его выступление, «затронув ряд существеннейших вопросов, оказалось как бы третьим содокладом»¹³. Подчеркнув, что доклад Жирмунского и «контр-доклад» Фрейденберг во многом сближаются, М.К. высказал сомнение в оправданности термина «реликт», который, на его взгляд, совершенно не снимает проблему современного фольклора «в его социальной заостренности и глубокой связи со средой и текущим политическим днем»; не объясняет и происхождения фольклора¹⁴.

Возможно, М.К., вступивший в научный спор с О.М. Фрейденберг, воспринял слишком всерьез ее призыв к «искоренению фольклора». «А полемический смысл моего контр-доклада Вы, дорогой мой поклонник, недооценили...» — укоряла его Фрейденберг в письме от 30 июня 1931 г. (72–24; 3 об.). Однако более вероятно, что М.К. вполне «дооценил» ее доклад, но предпочел отмежеваться от «марристов», понимавших фольклор как продукт доклассового общества.

Этот острый фольклорный диспут в Институте речевой культуры Т.Г. Иванова назвала «одним из последних проявлений свободы фольклористической мысли»¹⁵. Идеологический диктат, сполна проявивший себя в последующие годы во всех областях, требовал единства по принципиальным вопросам, и подобное расхождение позиций (в публичной дискуссии) станет в скором времени фактически невозможным.

Руководитель фольклорной группы ГИРКа, увлеченный в тот период марксизмом, М.К., насколько можно судить, стремился направить текущую работу в русло социологии, уделяя внимание современному фольклору (в противовес

¹¹ Израиль Григорьевич (Гершенович) Франк-Каменецкий (1880–1937), востоковед (египтолог и гебраист), младший брат иркутского врача-офтальмолога З.Г. Франк-Каменецкого и химика А.Г. Франк-Каменецкого. Последователь и сторонник яфетической теории Марра. Погиб, попав под автомобиль.

¹² См.: Астахова А. Дискуссия о сущности и задачах фольклора // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 239–240. Там же (с. 241–242) опубликован и основной текст выступления М.К.

¹³ Там же. С. 240.

¹⁴ Там же. С. 241.

¹⁵ Иванова 2009. С. 518.

«архаике») и сообразуясь, конечно, с общественной ситуацией. И, следует признать, его усилия не оказались безрезультатными. В своем отчете дирекции ГИРКа В.А. Десницкий отметил в 1931 г., что именно фольклорная группа «является одной из наиболее энергично и очень плодотворно работающих, сумевшей сплотить вокруг себя почти всех ленинградских фольклористов, перешедших или переходящих на марксистскую методологию»¹⁶.

С другой стороны, М.К., насколько можно судить, с трудом удавалось наладить работу в том ключе, в каком ему хотелось бы, то есть сосредоточиться на изучении русского фольклора: группа объединяла ряд исследователей с разными интересами, подчас противоположными. Это явствует, например, из опубликованного отчета о работе фольклорной группы ГИРКа:

...в связи с реорганизацией института фольклорная группа, вошедшая в состав методологии литературоведения, объединяла специалистов по русскому, западноевропейскому, античному и древневосточному фольклору. Вследствие этого работа группы имела по преимуществу общеметодологический характер и опиралась на материал мирового фольклора; лишь в сравнительно незначительной степени внимание группы было посвящено русскому (в частности, современному) фольклору. В течение академического года состоялось 16 заседаний...¹⁷

К этому следует добавить общую нервную обстановку: институт сотрясали проверки, работала Комиссия РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция) по чистке, проводились «смотры». Об этом М.К. рассказывал М.П. Алексееву 5 марта 1932 г.:

В ИРК'е гадость несусветная! Я уже больше не секретарь¹⁸ — впрочем, я, кажется, еще при Вас подал в отставку в связи с операцией¹⁹ и проч. Во главе Сектора уже не Десницкий. Западноевропейцев порядочно погромили. Вообще же, сейчас идет полоса смотров, а работы никакой. Не знаю, удастся ли снова сколотить ее как следует. Недавно был общественный смотр Берковского²⁰, Кржевского²¹

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. № 84. Л. 39 об.

¹⁷ Андреев Н.П. Группа фольклора Государственного института речевой культуры в 1929–1930 и 1930–1931 гг. // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 249. Среди перечисленных докладчиков М.К. не значится.

¹⁸ В течение нескольких месяцев М.К. исполнял обязанности ученого секретаря ГИРКа.

¹⁹ Видимо, речь идет о планировавшейся операции на горле.

²⁰ Наум Яковлевич Берковский (1901–1972), историк русской и западноевропейской литературы, литературный и театральный критик. В начале 1930-х гг. работал в ГИРКе. В 1936–1941 гг. — сотрудник ИЛИ, профессор и заведующий кафедрой западноевропейских литератур в Ленинградском государственном педагогическом институте им. М.Н. Покровского.

²¹ Б.А. Кржевский.

и Смирнова²². Александр Александрович ходит мрачный, собирается уходить из ИРК'а, — Берковский боится за себя, как бы его не ушли: отношение к нему во время смотра было очень резкое.

Среди сотрудников института и постоянных участников его заседаний было несколько человек, с которыми у М. К. складываются доверительные отношения. Это прежде всего Иосиф Моисеевич Троцкий²³ (1897–1970), филолог-классик, родной брат Исаака Троцкого. Приехав в 1923 г. в Петроград, он становится внештатным сотрудником ИЛАЗВа, а в 1924 г. поступает на службу в Государственную публичную библиотеку, где в 1932–1934 гг. заведует библиотекой Вольтера. В 1930–1931 гг. Иосиф Троцкий неоднократно выступал в Институте речевой культуры с докладами. Знакомство с ним произошло, возможно, и раньше (через Исаака Троцкого или Ю. Г. Оксмана). Во всяком случае, нет сомнений в том, что уже в первые ленинградские годы М. К. сближается с Иосифом Моисеевичем и его женой Марией Лазаревной (урожд. Гурфинкель; 1897–1987), историком немецкой литературы.

Приятельствует он и с Ольгой Фрейденберг, выполнявшей в 1930 г. обязанности секретаря литературно-методологической секции, а позднее — заместителя ученого секретаря; одно время она заведовала учебной частью института. М. К. постоянно общался с ней как заведующий издательской частью ГИРКа²⁴. Возникшие на основе делового сотрудничества, их отношения вскоре перерастут в дружеские.

Сохранившиеся письма и открытки Фрейденберг к М. К. остроумно и живо отображают повседневность ГИРКа 1930-х гг.: дискуссии, протекавшие в его стенах, оттенки отношений между сотрудниками, подготовку к печати восьмого сборника «Язык и литература» (в серии, начатой ИЛАЗВом)²⁵. 14 июля 1931 г. она, например, описывает ситуацию в институте уехавшему в отпуск М. К.:

ГИРК напоминает бьющееся сердце обезглавленной лягушки, — продолжает так упорно функционировать, что я начинаю верить в теорию Иоффе...²⁶ Все ходят

²² Александр Александрович Смирнов (1883–1962), историк литературы, литературный критик и переводчик; шекспировед; один из первых российских кельтологов.

²³ В 1938 г. ему пришлось изменить фамилию «Троцкий» на «Тронский».

²⁴ М. К. был назначен на эту должность 1 июня и исполнял ее до 31 декабря 1931 г. (55–6; 3; справка из архива АН СССР от 29 сентября 1948 г.).

²⁵ В этом (последнем) сборнике серии «Язык и литература» появилась статья М. К. «Сказительство и книга» — о грамотности народных сказителей, влиянии книги на их репертуар, формах соприкосновения сказочников с книжной культурой, книжных напластованиях в современной сказке и т. д. Первоначально эта статья (под названием «Сказочник и книга») предназначалась для несостоявшегося в 1930 г. сборника в честь С. Ф. Ольденбурга (см. главу XIX). Дата (в конце статьи): май-июнь 1929 г.

²⁶ Имеется в виду Иеремия Исаевич Иоффе (1891–1947), искусствовед, культуролог, сотрудник ГИРКа; создатель «синтетической» теории искусств.

больше, чем ходили зимой; даже никакие вечера и спайки не выдерживают конкуренции. Державин, Якубинский, Десницкий и прочая, и прочая наносят частые визиты, и я не дождусь, когда они уедут. <...> Приезжайте здоровеньким, бодреньким, а остальное пусть по-старому: Ваша энергия и Ваша очаровательная улыбка. Как ученый секретарь могу себе позволить сказать Вам комплимент (72–24; 4).

Свои «комплименты» О. Фрейденберг облакала и в стихотворную форму, время от времени посылая М. К. (как правило, в ответ на его шуточные записки) целые стихотворные послания. В апреле 1932 г. между ними разыгрывается истинный поэтический поединок. Прочитав полученное от М. К. двустихие «Я сердце бедное поверг / К ногам О. Фрейденберг», Ольга Михайловна тотчас откликается «Современной новеллой»:

Поздно с ИРК'а возвращаясь,
Раз в потемках я наткнулась
На какую-то препону
Возле ног средь мокрых плит. <...>
Подняла — и что же взору
Вдруг предстало? — Чье-то сердце,
И слова горят в нем ярко:
«Азадовский Марк — pour vous!»²⁷

Из учтивости к фольклору
Я, приправив солью-перцем,
Сжарив, съела сердце Марка
В знак любви моей к нему²⁸.

О. Ф.

21–IV–1932²⁹.

За «Современной новеллой» следуют строфы, навеянные, возможно, ирковскими дискуссиями об архаической обрядовой культуре:

Что бессердечны Вы — я знаю,
И грусть моя — порука в том.
Каннибализм же отвергаю,
Нет, то причастье божеством...

О Ф

24/IV — 1932 (72–24; 5 об.).

²⁷ Для Вас! (франц.)

²⁸ Обыгрывается мотив «съеденного сердца», распространенный в средневековой литературе.

²⁹ Сохранилось в записи Л. В.

Или:

Да, атеистка я: Иегова —
Буржуйский бог, я ж — пролетарка,
И из Евангелий готова
Одно лишь признавать — от Марка.

Земных богов не отрицаю,
Ни их страстей бесповоротно,
И хоть я съест Вас не желаю,
Все ж Вашу кровь я пью охотно.

ОФ

27/IV — 1932» (72–24; 6–6 об.).

Отношение ученого секретаря института к руководителю Фольклорной секции представляло собой, как видно, сложный эмоциональный комплекс: взаимное уважение, доверительность, симпатия и, похоже, иные чувства...

ГИРК просуществует до конца 1933 г.

Другое научное учреждение, в котором М. К. начинает работать осенью 1930 г., — Государственный институт истории искусств (ГИИИ).

История ГИИИ, созданного в 1913 г. стараниями графа В. П. Зубова (чьим именем и принято называть этот институт), описана в настоящее время достаточно подробно. К середине 1920-х гг. институт был широко известен в гуманитарной среде, в первую очередь благодаря публикациям Отдела (Разряда) словесных искусств, который с 1920 по 1930 г. возглавлял В. М. Жирмунский. Действительными членами отдела были (в разное время) историки и теоретики литературы, лингвисты, культурологи, корифеи русской гуманитарной культуры XX в.: В. П. Адрианова-Перетц, Н. П. Анциферов, Г. А. Гуковский, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Л. В. Щерба, Б. М. Эйхенбаум (из «ассистентов» или «аспирантов» — Б. Я. Бухштаб, Л. Я. Гинзбург, Т. Ю. Хмельницкая и др.). Отдел издавал неперIODическую серию «Вопросы поэтики» — авторские и коллективные сборники, посвященные русской поэзии и прозе XVIII–XIX вв., а во второй половине 1920-х гг. — «Временники» под названием «Поэтика» (продолжение сборников по теории поэтического языка 1916–1919 гг.). Обе серии выходили в издательстве «Academia».

Впрочем, институт мог гордиться не только сложившимся в его стенах «формальным методом», но и достижениями в области изучения фольклора. Созданная в 1924 г. (при Комитете социологического изучения искусств ГИИИ) секция крестьянского искусства осуществила в летние месяцы 1926–1929 гг. ряд экспедиций (в Заонежье, на Мезень и Пинегу, на Печору), результатом которых стал богатейший фольклорный материал. Участниками этих северных

экспедиций были А. М. Астахова³⁰, Е. В. Гиппиус³¹, И. В. Карнаухова³², Н. П. Колпакова³³, А. И. Никифоров³⁴, З. В. Эвальд³⁵ и др., записавшие в процессе своей работы множество былин, исторических песен, сказок, плачей и причетей³⁶.

Оторванный в 1920-е гг. от Петрограда, М. К. издавала, но с особым вниманием наблюдал за деятельностью ГИИИ и его изданиями. Не разделяя подходов «формальной школы», он тем не менее живо интересовался этим направлением филологической науки. Среди блестящей плеяды ученых института он был поначалу знаком только с Б. М. Эйхенбаумом; отношения с другими крупными филологами, профессорами ГИИИ, завязываются лишь во второй половине 1920-х гг. Проводя в 1928–1930 гг. ежегодно по несколько месяцев в Ленинграде, он посещал заседания в институте, общался с сотрудниками и был, конечно, прекрасно информирован обо всем, что обсуждалось и публиковалось в то время.

Реальное участие М. К. в работе ГИИИ, начавшееся осенью 1930 г., совпадает с периодом его коренной «реорганизации»³⁷. Зубовский институт стал к тому времени объектом критики и нападок. Правительственная комиссия, проводившая в конце 1929 г. обследование института, констатировала, что он представляет собой «гнездо враждебной пролетариату идеологии»³⁸. Еще сильнее затронула ГИИИ «чистка» научных учреждений, запущенная летом

³⁰ Анна Михайловна Астахова (1886–1971), фольклорист, исследователь северного фольклора, прежде всего былин; в 1922–1931 г. — сотрудница ГИИИ, позднее — ИПИНа и Музея антропологии и этнографии, с 1939 г. — в ИРЛИ. Член Русского географического общества.

³¹ Евгений Владимирович Гиппиус (1903–1985), фольклорист-музыковед. Учился на факультете истории музыки ГИИИ, с 1927 г. — в аспирантуре. Ученый секретарь Фольклорной комиссии института, основатель и хранитель фольклорного Фонограммархива (ГИИИ, ИПИН, ИАЭ, ИРЛИ). С 1944 г. — в Москве.

³² Ирина Валерьяновна Карнаухова (1901–1959), фольклорист, исполнительница народных сказок; писательница.

³³ Наталья Павловна Колпакова (1902–1994) окончила в 1924 г. Высшие курсы искусствознания при ГИИИ и была зачислена в Крестьянскую секцию института. С января 1939 г. заведовала Кабинетом народного творчества на филфаке ЛГУ. В 1943–1948 гг. преподавала в Педагогическом институте им. А. И. Герцена; в 1945–1948 гг. — на филфаке ЛГУ. Сотрудница ИРЛИ с 1953 по 1957 г.

³⁴ Александр Исаакович Никифоров (1893–1942), фольклорист, историк литературы. В ГИИИ числился как внештатный сотрудник.

³⁵ Зинаида Викторовна Эвальд (1894–1942), фольклорист, этномузыковед, автор работ о народной лирике.

³⁶ Подробнее об экспедициях ГИИИ 1920-х гг. и научной деятельности упомянутых фольклористов см.: Иванова 2009. С. 285–304.

³⁷ Более точными в отношении последних месяцев существования ГИИИ представляются такие определения, как «развал», «разгром» и «ликвидация» (см.: Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: По архивным материалам. М., 2014. С. 8–128).

³⁸ Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 4. Стб. 536.

1930 г. Приведем выдержку из ленинградской газеты, достоверно отражающую ту грозную атмосферу, что сложилась в 1930 г. вокруг ГИИИ и предвещала скорые перемены:

Под шумок в Ленинграде возник ряд научных институтов, совершенно параллельных по своим функциям. <...> Институт Истории Искусств (о нем более всего говорили на вчерашнем собрании³⁹) дублирует Институт языков и литературы Запада — ИЛЯЗВ. Институт Искусств, основанный графом Зубовым в первые октябрьские годы <так!> в собственном графском доме, блюдет аристократические традиции. Это — цитадель формализма, короче говоря, формалистики — как удачно обмолвился рабочий фабрики им. Свердлова товарищ Федотов, участник чистки⁴⁰.

Тем не менее институт продолжал работу. Вопрос о привлечении М. К. не случайно возник осенью 1930 г. — в это время решался вопрос о преобразовании Кабинета крестьянского искусства, которым заведовал В. М. Жирмунский, в Кабинет фольклора, или Фольклорный кабинет. 13 октября Жирмунский подал ходатайство о зачислении М. К. в штат ГИИИ (в Фольклорный кабинет при Секторе современного искусства). В ноябре Жирмунский расстается с институтом, а в декабре руководителем Фольклорного кабинета, переименованного к тому времени в Кабинет изучения фольклора города и деревни, назначается М. К.⁴¹; ближайшими его сотрудниками становятся А. М. Астахова и Н. П. Колпакова, выведенные «за штат». Сосредоточившись на изучении рабочего фольклора, кабинет начинает подготовку сборника (в декабре М. К. выступает с докладом «Принципы собирания материала рабочего фольклора»⁴²). «Новый» фольклор заметно теснит «архаику». «Одной из форм работы мыслилась организация собирательских ячеек на предприятиях, — пишет Т. Г. Иванова, освещая этот период. — Предполагалось также с целью записи фольклора обследование ленинградской барахолки»⁴³.

Пребывание М. К. в стенах ГИИИ длилось недолго — он, собственно, пришел в институт в период его угасания и заката. Всю вторую половину 1930 г. и в первые месяцы 1931 г. Зубовский институт, подвергшийся «обследованиям» и «персональной чистке», уже не столько работает, сколько агонизирует; в сентябре его покидают Б. М. Эйхенбаум и Ю. Н. Тынянов. Институт

³⁹ Имеется в виду собрание в ГИИИ 5 июня 1930 г.

⁴⁰ [Б. п.] За кулисами науки // Красная газета. Вечерний выпуск. 1930. № 132, 6 июня. С. 3.

⁴¹ Эти сведения восходят к работам К. А. Кумпан (см.: Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов) и Т. Г. Ивановой (Иванова 2009. С. 461–462), использовавших архивные источники.

⁴² Иванова Т. Г. Фольклористика в Государственном институте истории искусств в 1920-е гг. // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 65.

⁴³ Иванова 2009. С. 463.

был окончательно ликвидирован постановлением Совнаркома от 10 апреля 1931 г. — путем его слияния с четырьмя московскими научными учреждениями. Образуются новые структуры: Государственная академия искусствознания (ГАИС) в Москве (на основе разгромленной ГАХН) и Государственный научно-исследовательский институт языкознания в Ленинграде⁴⁴. ГИИИ оказался в результате ленинградским отделением ГАИС⁴⁵, в котором и продолжали свою научную деятельность бывшие сотрудники ГИИИ. Разгром ГАХН и ГИИИ и создание новых структур привели к тому, что в этих научных учреждениях царил в 1931 г. неразбериха и неопределенность⁴⁶.

«Переехал сюда московский ГАИС, — сообщал М. К. 5 марта 1932 г. М. П. Алексееву. — Вернее, переехала только вывеска, так как из москвичей, по сути, никто не приехал. Кое-кто из генералов будет наезжать, в том числе — Н. Ф. Бельчиков⁴⁷. Приехала группа аспирантов <...> Работы в ГАИС'е абсолютно никакой».

Ситуация в ГИРКе и ГАИС явно не удовлетворяла М. К. Пытаясь оживить фольклористическую работу в Ленинграде, он оформляется в Институт по изучению народов СССР (ИПИН), реорганизованный в конце 1929 г. из Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Его первым директором становится академик Н. Я. Марр; заместителем директора — Н. М. Маторин⁴⁸, он же — редактор журнала «Советская этнография» (до 1931 г. — «Этнография»), переведенного из Москвы в Ленинград и в течение последующих двух лет тесно связанного с работой ИПИНа⁴⁹.

Вместе с М. К. в ИПИН приходят и фольклористы бывшего ГИИИ. В апреле 1931 г. здесь образуется Фольклорная секция⁵⁰, вобравшая в себя материалы Фольклорного кабинета ГИИИ/ГАИС: экспедиционные дневники и записи,

⁴⁴ См.: Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов. С. 124.

⁴⁵ Именно так именовался реорганизованный институт в 1931–1932 гг. — ЛО ГАИС; в 1933–1936 гг. — ГАИС (см.: Лапин В. А. Изучение фольклора в РИИИ // Временник Зубовского института. СПб., 2013. Вып. 11: Фольклористика в Зубовском институте. С. 12).

⁴⁶ В течение нескольких месяцев ГАИС воспринималась как новое подразделение ГАХН. В мае 1931 г., заполняя анкету (в связи с переписью научных и научно-технических работников) и перечисляя места своей работы в Ленинграде, М. К. указывает не ГАИС, а именно ГАХН (СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. № 7. Л. 178).

⁴⁷ Николай Федорович Бельчиков (1890–1979), историк литературы, текстолог. Один из инициаторов и член редколлегии журнала «Литература и марксизм». В 1946–1948 гг. — ответственный секретарь Отделения литературы и языка АН СССР. Директор Пушкинского Дома в 1949–1955 гг. Член-корреспондент АН СССР (1953). О его роли в судьбе М. К. см. главы XXXVII и XXXVIII.

⁴⁸ Николай Михайлович Маторин (1898–1936; расстрелян), этнограф. С 1933 г. — директор Института антропологии и этнографии (Ленинград).

⁴⁹ В письме к Н. М. Маторину от 28 августа 1931 г. М. К. называет «Советскую этнографию» «ипиновским журналом» (Из писем М. К. Азадовского — 1. С. 232).

⁵⁰ В «Кратком жизнеописании» (1945) М. К. упоминает о том, что Фольклорная секция в Академии наук была создана по его предложению (СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. № 647. Л. 64).

справочно-библиографический материал и Фонограммархив. Т. Г. Иванова сообщает, что весной 1931 г. секция состояла из следующих научных сотрудников: М. К. Азадовский (руководитель)⁵¹, А. М. Астахова (секретарь); И. В. Карнаухова и А. Н. Нечаев⁵² (фольклористы-словесники); Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд (фольклористы-музыковеды). Указаны и некоторые темы, над которыми работают М. К. и его «бригада» в 1931–1932 гг.: составление библиографического указателя антирелигиозной литературы, изучение фольклора Гражданской войны...⁵³ Библиографии уделялось особое внимание. М. К. побуждал своих сотрудников изучать литературу последних лет по той или иной проблеме, учил составлять библиографические карточки и т. п. В недатированном письме к Н. В. Здобнову (по содержанию — осень 1931 г.) он упоминает о том, что в ИПИНе под его руководством идет библиографическая работа: «этнография, фольклор и антропология за советский период».

В опубликованном отчете о работе института отмечалось, что, продолжая направление, начатое еще в ГИИИ/ГАИС, сотрудники ИПИНа собирают и изучают фольклор города, в особенности фабрично-заводских рабочих. М. К. занимался разработкой принципиальных проблем городского фольклора, А. М. Астахова — сбором и изучением песен городской улицы, А. Н. Лозанова⁵⁴ — изучением саратовского рабочего фольклора и т. д.⁵⁵

Пытаясь использовать издательские возможности того времени, руководитель Фольклорной секции обдумывает масштабные коллективные проекты, охватывающие не только русский фольклор. Один из них именовался «Сказки народов СССР». С такой заявкой М. К. обратился (видимо, в 1931 г.) в издательство «Academia», и его предложение, как писал он Ю. М. Соколову летом 1933 г., «было принципиально принято и поддержано Ежовым⁵⁶, Сокольниковым⁵⁷. Там тоже принимают участие Марр, Ольденбург, но главным редактором-организатором должен был являться я, — издание в целом шло бы под

⁵¹ В справке из архива АН СССР от 26 января 1948 г., выданной М. К. для ходатайства о пенсии, сказано, что он работал в системе Академии наук с 13 апреля 1931 г. по 1 марта 1939 г. в должности старшего ученого специалиста, а затем — заведующего Фольклорной комиссией (55–6; 1).

⁵² Александр Николаевич Нечаев (1902–1986), фольклорист-«выдвиженец»; в 1934–1938 гг. возглавлял этнографо-лингвистическую секцию Карельского научно-исследовательского института в Петрозаводске; позднее — в Ленинграде и Москве (см. о нем подробно: Иванова 2009. С. 477–478).

⁵³ Иванова 2009. С. 465.

⁵⁴ Александра Николаевна Лозанова (1896–1968), фольклорист. В 1930–1933 гг. — аспирантка ИПИНа. Впоследствии сотрудник ИРЛИ.

⁵⁵ См.: Астахова А. М., Гиппиус Е. В. Фольклорная секция Института по изучению народов СССР Академии наук (ИПИИ) // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 242–243.

⁵⁶ Иван Степанович Ежов (Ежов-Беляев; 1880–1959), литературовед; издательский работник, сотрудник издательства «Academia», в 1929–1932 гг. — заместитель директора (И. И. Ионова).

⁵⁷ Михаил Порфирьевич Сокольников (1888–1979), искусствовед, литератор; художественный редактор издательства «Academia» в 1929–1937 гг.

маркой Ф<ольклорной> С<екции> ИПИН». Далее М.К. уточняет, что задуман был сборник «томика в 3, хотя, конечно, можно и 5 сделать»⁵⁸. (Проект не осуществился.)

Энергия и активность М.К. приносят ощутимый результат: заседания, доклады, дискуссии и обсуждения сменяют друг друга и вызывают отклик в научной среде. Несомненной и, возможно, главной заслугой М.К. в те годы следует считать организацию коллектива фольклористов, спаянного и увлеченного общей работой, а также создание в нем творческой атмосферы — в этом плане Ленинград в начале 1930-х гг. заметно отличался от Москвы. В письме к М.К. от 3 января 1933 г. Ю.М. Соколов признавался, что ему в Москве «не с кем и негде бывает побеседовать по научным фольклорным вопросам: все, с кем мне было бы интересно говорить, находятся в Ленинграде». Отмечая в том же письме «удачно организованное» М.К. фольклористическое заседание в Русском географическом обществе⁵⁹, Юрий Матвеевич пишет:

Меня радует, что так хорошо теперь наладилась фольклористическая работа в Ленинграде — и в ИПИНе, и в ИРКе, и Геогр<афическом> Обществе. Читаются доклады, так много перспектив к печатанию. В Москве же, где еще так недавно фольклорная работа была ключом, в течение года пустота и мертвая тишь. Я в мрачном настроении, хотя, как ты знаешь, обычно мне такое настроение не свойственно (70-46; 34).

Успешной работе М.К. в ИПИНе способствовало его тесное сотрудничество с Николаем Михайловичем Маториным. Сохранилось его письмо к Маторину от 28 августа 1931 г., посвященное организации фольклористической работы в ИПИНе⁶⁰, — оно не оставляет сомнений в том, что в стенах этого академического учреждения наметилось плодотворное взаимодействие двух энтузиастов своего дела. Более того. В трудных ситуациях, которые возникали неоднократно, М.К. всегда мог рассчитывать на поддержку Маторина и, видимо, не раз ею пользовался. Выразительна его реплика в одном из писем к Ю.М. Соколову (по содержанию — май 1932 г.): «Работа в ИПИН'е идет по-прежнему, но не всегда приятно. Если бы не Ник<олай> Мих<айлович>, давно бы ушел»⁶¹.

Один из современников, близко наблюдавший Маторина, пишет, что в начале 1930-х гг. он «был душой всех начинаний в области этнографии в Академии Наук СССР. Обладая блестящими организаторскими способностями, чутко улавливая „пульс времени“, имея глубокую теоретическую подготовку,

⁵⁸ ОРФ ГЛМ. Фольклорный архив. Ф. 50. № 363 (8). Л. 6-7.

⁵⁹ Точные дата и тема этого заседания неизвестны.

⁶⁰ См.: Из писем М.К. Азадовского — 1. С. 231-234.

⁶¹ ОРФ ГЛМ. Фольклорный архив. Ф. 50. № 363 (3). Л. 7.

Н. М. Маторин — энтузиаст, влюбленный в науку, — сумел сплотить вокруг себя всех, кто считал себя этнографом или хотел им стать»⁶².

Еще одно ленинградское научное учреждение, куда в 1930 г. М. К. поступил на службу (факт, не вызывающий удивления: «совместительство» считалось нормой), называлось Научно-исследовательский институт книговедения (НИИК). В этот институт М. К. был приглашен, однако, не как фольклорист, а как библиограф и знаток книжного дела.

Возникший в 1920 г., этот институт также претерпел к 1929 г. ряд изменений. В 1926–1929 гг. он являлся одним из подразделений Государственной публичной библиотеки, однако с 1930 г. был преобразован в самостоятельное учреждение. Его директором был А. Е. Плотников⁶³, бессменным ученым секретарем — Л. В. Булгакова⁶⁴, сотрудниками же состояли известные ученые-библиографы, среди них — М. Н. Куфаев (сослуживец М. К. по Шестой гимназии), А. М. Ловягин, А. И. Малеин, А. Г. Фомин (ученик С. А. Венгерова) и др. Участие в работе Института книговедения принимал также Иос. М. Троцкий (внештатный сотрудник Комиссии по теории и методологии книговедения). В институте было несколько комиссий, секций и групп; их число и названия постоянно менялись. М. К. поступил в институт, по всей видимости, осенью 1930 г. в качестве «действительного члена»; в декабре мы находим его в списке сотрудников, получивших зарплату (полставки)⁶⁵. Его деятельность за последний квартал 1930 г. отражена в отчете, представленном ученому секретарю института 24 января 1931 г.:

- 1) Принимал участие в работах группы по изучению периодики «Эпохи военного коммунизма»
- 2) Принимал участие в работах Исторической комиссии
- 3) Подбирал материалы для работы о советской книге в провинции
- 4) По поручению ученого секретаря НИИК'a написал отзыв-рецензию на библиографическую работу Г. Ульянова⁶⁶

⁶² *Абрамзон С. М.* Советская этнография в начале 30-х годов: (Из воспоминаний этнографа) // *Советская этнография*. 1976. № 4. С. 90.

⁶³ Александр Евлампиевич Плотников (1877–1942), библиотечный работник; заведовал НИИК с 1925 г. Член РСДРП с 1903 г.; с 1920 г. — член ВКП(б).

⁶⁴ Лидия Викториновна Булгакова (1893–1947), книговед, библиотечный работник. Служила в Библиотеке Академии наук, Публичной библиотеке и др. В 1923–1931 гг. — ученый секретарь и член президиума НИИК.

⁶⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 306. Оп. 2. № 75. Л. 1.

⁶⁶ Рецензия М. К. на кн. Г. К. Ульянова «Обзор литературы по вопросам культуры и просвещения народов СССР» (М.; Л., 1930) опубликована в журнале «Советская этнография» (1932. № 3. С. 129–132) под названием «За библиографию культуры народов СССР» (название, очевидно, редакционное).

5) по поручению ученого секретаря НИИК'а составил докладную записку в ГИЗ о необходимости завершения труда С. А. Венгерова «Предварительный список русских писателей, ученых и т. д.»⁶⁷

6) Разрабатывал вопрос о состоянии архива Венгерова и представил докладную записку о дальнейшей работе над ним

7) принимал участие в заседаниях пленума теории и истории книговедения⁶⁸.

Наибольший интерес в этом списке представляет для нас работа М. К. над архивным наследием С. А. Венгерова, которое, как известно, поступило после его смерти в Петроградскую книжную палату (переименованную затем в Институт книговедения) и было передано в конце 1931 — начале 1932 г. в ИРЛИ. Вероятно, к этой работе М. К. привлек библиограф А. Г. Фомин (1887–1939), в прошлом — секретарь С. А. Венгерова, разбиравший в 1920-е гг. материалы его архива. «Докладная записка» в Государственное издательство, о которой упоминает М. К., неизвестна. Что же касается завершения венгеровского «Предварительного списка», то, учитывая, что дело до настоящего времени не слишком продвинулось, нетрудно предположить, что призыв ученого так и не был услышан.

Сохранился также недатированный отчет за один из первых кварталов 1931 г., в котором М. К. обобщает:

За истекший квартал принимал участие:

- 1) в работах группы «Печать военного коммунизма»,
- 2) в исторической комиссии (подготовка к докладу о библиографических указателях 1905 года);
- 3) Принимал участие в организации группы по изучению массовых библиографических указателей,
- 4) Продолжал работу по собиранию материалов о провинциальной советской книге⁶⁹.

О некоторых сторонах деятельности Института книговедения повествует отрывок М. К. к Н. В. Здобнову от 23 февраля 1931 г.:

Здесь недавно шла речь (в Институте книговедения) о желательности видеть Вас здесь, и очень все сожалеют, что у Вас никаких дел в Ленинграде, чтоб заодно послушать какой-либо Ваш доклад. Сейчас ставится здесь проблема методологии

⁶⁷ Имеется в виду: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: (От начала русской образованности до наших дней). 2-е изд., совершенно перераб., иллюстрированное. Пг., 1915. Т. 1, вып. 1–3: Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки: (Емельянов — Куликов); Пг., 1918. Т. 2, вып. 4–5: (Куликов — Павлов).

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 316. № 84. Л. 1–1 об.

⁶⁹ Там же. Л. 2.

массового библиографического указателя — и никто (в том числе и я) не знает, к какому боку подойти к ней, т. е. бок, м<ожет> б<ыть>, и известен мне, но, в сущности, методология работы по этой методологии мне мало ясна. Руководят этой работой Банк⁷⁰ и Булгакова.

Пребывание М. К. в институте оказалось совсем недолгим — менее года⁷¹. «Из Института книговедения я ушел, так как никак не мог наладить там своей работы», — сообщает он Н. В. Здобнову 25 сентября 1931 г. По всей вероятности, М. К. покинул институт летом или в самом начале сентября 1931 г. Во всяком случае, еще в конце мая 1931 г., сообщая персональные сведения для справочника «Наука и научные работники СССР»⁷², он указал *три* места своей работы: ГИРК (основное), НИИК и ИПИН (совместительство)⁷³. В каждом из этих научно-исследовательских институтов М. К. имел квалификацию «действительного члена», что соответствовало университетскому званию «профессор».

Институт книговедения был закрыт в 1933 г.

В том же письме к Здобнову от 25 сентября содержится признание: «Работы много, времени мало, — вообще, не чувствую себя очень уютно в Ленинграде». Это признание симптоматично. 1930 год был отмечен тревожными событиями, которые М. К. — в этом нет сомнений! — глубоко и болезненно переживал. В феврале (М. К. еще находился в Иркутске) был осужден и расстрелян «за шпионаж и контрреволюционную пропаганду» В. А. Силлов. В начале 1930 г. по ложному доносу был задержан (но вскоре освобожден) Ю. Г. Оксман. В августе арестован по «академическому делу» С. И. Руденко, после чего в печати поднялась кампания по борьбе с «руденковщиной»⁷⁴. Разгром краеведения продолжался и набирал обороты. В декабре 1930 г. по делу Центрального бюро краеведения был осужден на три года Д. А. Золотарев. В том же году оказался в заключении, где провел около месяца, и Н. В. Здобнов⁷⁵.

В сохранившихся письмах М. К., как и в письмах его не покинувших страну современников, почти невозможно найти упоминание об арестованных,

⁷⁰ Владимир Эммануилович Банк (1876–1942), историк, библиотековед, библиограф; сотрудник Публичной библиотеки (с 1898 г.). Член совета НИИКа. В 1930-е гг. подвергался репрессиям.

⁷¹ В списке штатного состава НИИКа на 20 мая 1931 г. фамилия М. К. отсутствует.

⁷² Издание выходило в Ленинграде в 1925–1934 гг.

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. № 7. Л. 177, 178 об. Дата заполнения анкетного листа: 24 мая 1931 г. Тем не менее в списке штатного состава НИИКа от 20 мая 1931 г. фамилия М. К. отсутствует (ЦГАЛИ СПб. Ф. 306. Оп. 2. № 65. Л. 1).

⁷⁴ См.: Платонова Н. И. Годы репрессий в жизни С. И. Руденко: Сравнительный анализ архивных источников // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. Вып. 4/2. С. 151–158 (серия «История»).

⁷⁵ Лепехин М. П. Об авторе этой книги // Здобнов Н. В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века / Комментар. изд. под ред. Н. К. Леликовой, М. П. Лепехина. М., 2012. С. XL.

сосланных и расстрелянных. Чтобы сообщить о несчастье, постигшем кого-либо из общих знакомых, приходилось прибегать к иносказаниям и намекам, растворять содержательное в случайном, смещать акценты. Например, 17 ноября 1934 г. Юрий Соколов пишет:

В Москве свирепствует грипп. О неприятностях, постигших многих московских славистов и лингвистов⁷⁶, ты, я думаю, слышал. Трудно понять, в чем дело (70–47; 11 об.).

Точно таким же эзоповым языком пользовался и М.К. Приведем пассаж из его письма к М.П. Алексееву от 4 августа 1930 г.:

О питерских малоприятных новостях писать не стоит. Надеюсь, что Вы скоро здесь сами будете. Некоторых знакомых, которых рассчитывали встретить, уже не найдете.

Кто мирно спит, кто дальний сиротеет,
Судьба глядит...⁷⁷

Ну, спит, не спит, а вот «сиротеет»... Хотя бедный Борис Матвеевич Соколов неожиданно скончался⁷⁸. Это очень скорбная утрата. Сергея Петровича Вы в Ленинграде не встретите⁷⁹. Юлиан⁸⁰ бодр, хотя и хандрлив⁸¹.

В этих фразах, приукрашенных пушкинскими строчками, намеренно смешаны разные, хотя и близкие по своему драматическому подтексту новости: смерть Б.М. Соколова, арест С.П. Шестерикова и «мелкие неприятности» Оксмана, о происхождении которых нетрудно было догадаться.

⁷⁶ Имеется в виду «дело славистов» («Дело российской национальной партии»), начавшееся в 1933 г., но получившее особый размах в первую половину 1934 г. По этому делу привлекались видные слависты, академики и профессора, а также филологи-«древники» (В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский), лингвисты (А.М. Селищев, В.В. Виноградов) и др. См.: Ашнин Ф.Д., Алташов В.М. «Дело славистов»: 1930-е годы. М., 1994.

⁷⁷ Неточная цитата из стихотворения Пушкина «19 октября» (1825). У Пушкина: «Кто в гробе спит, кто, дальний, сиротеет, / Судьба глядит...»

⁷⁸ Б.М. Соколов умер в Москве 30 июля 1930 г.

⁷⁹ Намек на арест С.П. Шестерикова.

⁸⁰ Ю.Г. Оксман.

⁸¹ «Хандра» Оксмана была вызвана скорее всего его арестом в начале 1930 г., а также семейными обстоятельствами (болезнь жены) и др. «Для меня 1930 г. был очень тяжелым, — писал он Н.К. Пиксанову 1 января 1931 г. — может быть, самым тяжелым за 35 лет годом — начался и закончился в ДПЗ. <...> Все, наконец, закончилось и больше меня тревожить не будут из-за моих коллег. Но дома у нас очень неблагополучно. Ант<онина> Петровна страшно подорвала себя. Итак, каков бы ни был будущий год — хуже 1930 г. ему не стать для нас...» (РО ИРЛИ. Ф. 496; не разобран). ДПЗ — Дом предварительного заключения, где Оксман оказался еще раз в декабре 1930 г.; Антонина Петровна Оксман (урожд. Семенова; 1894–1984), жена Оксмана.